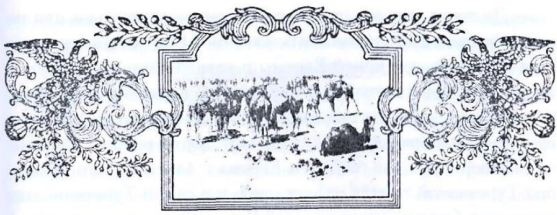
Ор. 84
Д-15

Владимир Иванович ДалЬ

ОРЕНБУРГСКИЙ КРАЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ПИСАТЕЛЯ

ЕВРОПА И АЗИЯ

Да где же, скажите, начинается Азия, то есть где, собственно, оканчивается Европа? Неужели это такая вещь, которая, как бы сказать, покрыта мраком неизвестности, или это, наконец, тайна природы, до которой люди еще не дошли, несмотря на ученость свою, или даже — ведь и это сбыточно — сомнительный предел двух частей света изменяется по временам года от причин стихийных, или там как-нибудь от наклонности оси земной, от эклиптики, или, словом, от причин важных, не зависящих от воли человека?

А-273696

Вот, посмотрите, в одной немецкой географии Волга принимается за настоящую границу, и Казань полюбовной сделкой передана Азии; в другой, граница эта: Уральский Кряж, Общий сырт и низовье Волги; в третьей — Уральский хребет и река Урал; другие толкуют, что вся Оренбургская и Пермская губернии принадлежат Европейской России, а следовательно и Европе, потому-то Европейская Россия не может быть в Азии; стало быть, Азия и начинается у нас настоящею Сибирью, Тобольскою губерниею... Да нет, и это не ловко: ведь челябинцы, екатеринбуржцы, даже жители Троицка называются и сами себя называют сибиряками, дали русским, то есть европейским бабам, прозвание «чернолапотниц» и русского человека признают только полуземляком, если он не сибиряк... Как же тут быть? Сомнительно, право сомнительно!

Оренбургская областная научная библиотека им. Н. К. Крупской

— Да то ли еще на этом свете бывает сомнительно или по политическим и другим видам неизвестно? Вот, например, ваша задача решить, где конец Европы и начало Азии на востоке — это задача, и простительно ею затрудняться: как бы то ни было, тут материк, шнуром не ударишь, мелком не перечертишь — ну, оно и сбивчиво. А я предлагаю вам другой вопрос, попроще да позабористей: где сходится Европа с Азией на юго-западе, под Туретчиной то есть что ли, либо и в самой Туретчине или тамошних бусурманских землях? Что, небось, призадумались? Чего ж вы глядите на меня, выпучив глаза? Я вам говорю дело — да; где сходится Европа с Азией: на юго-западе России или сопредельных ей земель?

— Помилуйте, батюшка, да вы говорите что-то такое непонятное; воля ваша, а кто-нибудь из нас, с позволения сказать, бестолков; или вы речь ведете о Кавказе?

— Нет, совсем не о Кавказе: оставьте Кавказ в стороне, его размежуют, или не размежуют без нас; не делайте отвода, а отвечайте прямо, по силе моего вопроса!

— Не понимаю вас, Аркадий Иваныч; а, кажется, мы оба с вами сегодня далеко еще не дошли даже до чаю, не только до чего иного...

— Ну так вот, послушайте ж меня, тогда поймете. Вот оно и выходит на то, что век живи, век учись, а помри дураком.

«Лет тому, конечно, уж не мало будет — я тогда еще служил повытчиком в палате, — в Казани случилось казусное дело, которое давно покончено и забыто, и может статься, уже и поедено мышами, а между тем жаль, право жаль будет, если о нем умрет и самое предание; вот это-то дело и вертелось на щекотливом вопросе, который я вам предложил неспроста: он тогда был разрешен; не знаю, было ли сообщено об этом кому следует, то есть господам географам, к сведению и в потребном случае к соображению, но дело решено судебным порядком, и решено именно у нас в Казани. Помните только, что этому уж очень давно; вы знаете, когда я служил повытчиком, тогда еще Лукерья Петровна была вот этакенькая — вот, а теперь, сами знаете, она уж не то, что была.

«Ну вот, изволите видеть, жил был у нас порядочный помещик; душ было у него ста четыре, поместье в Чебоксарском уезде. Хозяин был он хороший, жил себе таки ничего, взял да и помер. Как у человека одинокого, детей у него не случилось, а явились наследники боковые, законные, однако ж, родные племянники, два брата; ну, известно, без хлопот не обошлось, призаняли они тут и там, колотились, бывали наездом, то тот, то другой; наконец, решилось дело; ввели их во владение. Только что успели перекреститься молодцы мои да задумать о том, как они теперь заживут — ан пасть, беда в подворотню: является третий наследник. Хлопоты и заботы по наследству этому и так уже надоели беднякам моим, что хоть, бывало, ину пору в стену лбом, а тут опять новая гроза! Принесла же его нелегкая, и откуда он взялся? Да такой же, изволите видеть, племянник покойника, боковой, законный наследник; с равными правами: племянник от другого брата; сидел он, забившись где-то на службе в Херсоне, что-то в малых чинах, да дошли-таки до глухого вести — он и явился. Мировой нет; первые наследники и слышать не хотят и со двора его согнали. Тот за тяжбу, подал просьбу по порядку; он человек неимущий, жить ему на чужбине без помощи трудно; срок отпуска вышел, боится потерять место... Подав просьбу да похлопотав, сколько мог, и воротился туда, откуда приехал. Требуют доказательств, сяких-таких; он заботится, хлопочет, высылает: сперва-таки был человек в Казани, который, надеясь на благодарность за услугу, уведомлял херсонца о ходе дела, списывался с ним; а там, как увидел, что проку мало, что тому благодарить-то нечем, то и тот махнул рукой, замолк, а второй наследник, вовсе потеряв из виду дело, не мог следить за ним как следует, не мог смазывать за глаза, где скрипит, а приехать в другой раз было не с чем: видно, деньжонками не мог сколотиться. Так и проходит месяц за месяцем, год за годом — ни слуху, ни духу нет ему, что там делается.

«Между тем, нашлось какое-то местечко повыгоднее для херсонца, в Молдавии, где в то время, знаете, было наше управление; жалованьишко повыше, да никак еще и по заграничному

расчету: он туда; живет там год, и забирает его заботишка по тяжебному делу, да способов нет никаких; одна надежда, что добудет да сбережет что-нибудь от нынешнего содержания; на то и бьет и рассчитывает. Ну и точно: сколотился опять кой-как; поехать бы можно, нешто, так дело-то думчиво: не протрястись бы по пустякам, есть ли зачем ехать? Надо бы хоть что-нибудь узнать наперед. Вот он, недолго думав, три червонца в старую перчатку закутал, зашил, запечатал, да с письмом к тому человеку, с которым, бывало, прежде переписывался, на почту; пишет ему, что-де, вот так и так, не взыщите, мы люди бедные, а вот, что могли от крох своих, долгом поставляем по справедливости уделить, да просим и молим, уведомьте, что и как и не надо ли мне приехать опять самому. «Коли нет того чиновника в Казани, либо коли помер, так ведь деньги не пропадут», подумал херсонец, «а воротятся: что будет, то будет».

«Вот, сударик ты мой, послал, а сам едет. Три червонца не воротились, а пришло по первой казенной почте письмо, в котором уведомляют бедного херсонца моего, что казанцы давно уже без него покончили дело это, и, стало быть, он тяжбу проиграл. Заглазно выиграть тяжбу мудрено, особенно когда сильные противники налицо; как уж они там свертели да скомкали ее — не ведаю, а только решение последовало в их пользу: херсонца вызывали по ведомостям к рукоприкладству, он не явился, ни слуху, ни духу о себе не подал; так, прождав законный срок, и повершили без него.

«Взяла беда поперек живота бедняка нашего, отступиться не хочется; сто тридцать исправных душ в Казани — хлеб по век, и жить можно без большого горя. «Была не была, — подумал он, — ведь службишка нашего брата-мальти под старость тебя без подметок оставит, хоть как ни колотись; а поместье клад!» Подал опять в отпуск, собрал червончики свои и покатил сам на место: «Авось теперь не добьюсь ли чего! Быть не может, чтоб мне наотрез отказали; я такой же племянник покойного, как и они, все равно, дети родных братьев: по какому ж закону меня устранить!»

«Приехал, осведомился, и видит, что дело больно плохо: не то важно еще, что отказали: мало ли в чем до времени отказы-

вают! да коли не право, незаконно, так можно и повершить; а тут вот что плохо, что решение вошло в законную силу по пропуске установленных сроков: не только уплыл срок на рукоприкладство — это само по себе, а срок апелляционный пропущен; для переноса жалобы из низшей во вторую степень и просьбы не принимают. Бедный херсонец мой разбегался, разохался, кидается по всем властям и представляет на суд всякого, что он не виноват ни в чем, состоял на службе в отдаленных местах: ни узнать о ходе дела, не только прибыть к сроку не мог, а теперь за это лишается наследства! Нашлись добрые люди, которые вошли в дело его, или, может быть, лобанчики да арабчики склонили кого-нибудь к мягкосердию, все равно; да только, потолковав о сроках, нашли, что один срок назначен для пребывающих в России, другой же для заграничных участников, а третий для такого случая, когда тяжущийся находится в другой части света. Первые два срока были пропущены невозвратимо, но третий еще не ушел, а потому и можно было подать просьбу и завязать дело, если только доказано будет, что херсонец находился во время вызова в Европе, то есть в Молдавии, а казанец в Казани, то есть в Азии. Написали просьбу — терять было нечего — и подкрепили доводы свои ссылками на все старинные учебники географии, какие могли добыть в Казани, подали и стали всеми силами поддерживать. Суд затруднился: случай небывалый, дело запутанное; вертели туда, сюда; отказать бы прямо, так надо же на чем-нибудь основать решение, надо опровергнуть доводы просителя. Сколько ни бился секретарь, не мог подвести ни одного закона, ни указа, ни манифеста, все это к делу не подходит. Призадумались мои судьи, а что-то дела в толк не возьмут. Коли тяжущиеся находились в различных частях света, то, вероятно-де, это надо понять так, что херсонец, выбыв за границу, в Молдавию то есть, попал через это самое в другую часть света, потому что жители Казани, а тем паче тамошние присутственные места, не привыкли считать себя в Азии, и мысль эта была для них слишком нова и дика. Притом, если б проситель в это время находился в Рос-

сии, то ему бы полагался срок внутренний, хотя бы он и действительно ведался в сибирском присутственном месте, которое, как было приведено в известность при этом хлопотливом случае, числится в Азии. Подумав туда и сюда, решились пустить дело на справку; но куда и какого содержания сделать запрос? В учебное ведомство, разумеется, которое некоторым образом есть одно и то же, что ученое, и потому должно знать силу в этом деле. Итак, решили отнестись, по приказному выражению, к тогдашнему директору училищ, с тем, что, основавшись на его свидетельстве, в ответе не будем: отзыв его выведем на справку.

Директор училищ, человек почтенный, хотя и с запутанными до некоторой степени понятиями, снимал и надевал несколько раз очки свои, перечитывая бумагу, и долго не мог взять в толк, чего от него хотят. И это было не мудрено. Мы уже видели, до какой степени вопрос постепенно становился сложнее и запутаннее от довольно необычайных случайностей и от различия взгляда: херсонец хотел воспользоваться тем, что находился вне России и что, сверх того, та часть России, с которою имел он дело, числится в другой части света, в Азии. Тот, кто писал отношение к директору училищ, без всякого умысла несколько переиначил вопрос, предположив, что земля Молдавия должна находиться, по мнению просителя, в другой части света, чем Россия; все это притом было высказано не совсем ясно, из предосторожности, чтоб не проговориться, так как вообще вся связь этого дела, по многосложности и запутанности его, представлялась несколько в тумане.

«Сообразив, однако ж, дело, сколько это было возможно по содержанию бумаги и сбыточно по состоянию умственных способностей и познаний своих, добряк мой отозвался таким образом, что хотя де Молдавия, страна, подведомая Турции, и состояла поэтому при той части света, которая именуется Азией, но что она в новейшее время, а именно по тильзитскому миру, отошла к Европе».

«Такой отзыв был неоспоримым опровержением доводов моего херсонца: просьба возвращена ему с надписью, как не подлежащая к приему, и тяжба окончательно проиграна».

— Однако, — заметил другой собеседник, приподняв значительно брови и уставив глаза в глубокой думе вперед себя, — однако, сударь мой, времена мудренеют. Стало быть, мне, заседателю гражданской палаты, ради подобной и вздорной просьбы приходится изучать географию, да сверх того еще какое-то положение о тильзитском мире?

— Совсем не нужно, — перебил другой, — и никто вас об этом не просит; вы видите, что и тут дело без того обошлось; на то ученые: они вот и разобрали дело без вас, а вам остается только подвести справку — оно и в шляпе.